

Страсть и долг
Борис Акунин

Опубликована: 2009

Категории:

Виньетки: Современная проза

Борис Акунин
Страсть и долг

Сказки для идиотов – 1

<http://www.aldebaran.ru/>
«Сказки для идиотов»: Нева, Олма Пресс; СПб; 2002
ISBN 5 7654 1419 2, 5 94846 048 7

Аннотация

Борис Акунин
Страсть и долг

* * *

Действительный тайный советник Гавриил Львович Курятников, запахнув полы подбитого ватой шлафрока — утро выдалось прохладное, — тихонько приоткрыл дверь казенной квартиры и спустился на скоростном лифте к почтовому ящику. Повернул ключ, вынул пачку свежих газет. Первым делом осторожно и брезгливо, как ядовитую змею? вытянул свежий номер «Московского богомольца» и зашуршал серыми страницами. На первой полосе любимой москвичами газеты во весь лист красовался заголовок вершковыми буквами: «ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО ЛЮБИЛ ДОМАШНИХ ПТИЦ». И ниже, мельче, но все равно крупно: «Скандалные показания девиц легкого поведения против генерального прокурора Курятникова». Гавриил Львович застонал и покачнулся, схватившись рукой за высокий лоб. Разорвать, немедленно разорвать этот бульварный листок.

«Ведомости народных депутатов», как и подобает газете умеренного и респектабельного направления, поместили новость на второй странице и мелким шрифтом. Бог даст, Полинька не заметит — она всегда сразу перелистывает на страницу светской хроники и культуры. С «Русским словом» и «Московским созерцателем» тоже обстояло благополучно — редактора этих изданий относились к позиции

Гавриила Львовича с уважением.

Истребив пасквильного «Богомольца», его превосходительство аккуратно свернул остальные газеты и положил их обратно в ящик. Вот проснется Полинька, выпьет кофею и спустятся за свежей прессой. Теперь можно, нестрашно. С тех пор как начался весь этот кошмар, телевизионные новости в доме, не стовариваясь, смотреть перестали — только голливудский сериал «Скорая помощь» и канал «Культура». Радио тоже не слушали.

О кошмаре в семье говорить было не принято — будто не было его, и всё тут. Первые недели Полина Аполлоновна ходила вся почерневшая и смотреть на супруга избегала, а потом преодолела себя, поняла, что если еще и она мужа казнить станет — сломается Гавриил Львович, не выдержит. Не то чтобы даже пожалела его, клятвопреступника и блудодея, нет. Просто вспомнила о долге. Ведь одно дело — Ганечка, слабость и грехи которого за долгие годы замужества она изучила слишком даже хорошо, и совсем другое дело — генеральный прокурор Курятников, государственный муж и человек чести. То есть, конечно, было совершенно очевидно, что женского прощения Гавриилу Львовичу не дождаться никогда, но уважения супруги он, по крайней мере, не утратил. Как и своего собственного.

Да, слаб и грешен. Знал это за собой всю жизнь, еще с Пажеского корпуса, когда после вечерней молитвы пазил через забор и до расцвета пропадал в дешевых домах терпимости на Лиговке.

Страшный, сильный бес, имя которому сладострастие, с молодых ногтей терзал плоть и душу Гани Курятникова лютым соблазном. По молодости лет справляться с напастью Гавриил Львович не умел во все и не раз попадал из за своей пылкой влюбчивости и африканской чувственности в рискованные истории. Как только на юридическом поприще удержался — загадка. Верно, берег Курятникова ангел хранитель, мощнокрылый Гавриил, от гибели, для некоей великой цели. А гибель по временам ходила близехонько. До сих пор в сырую погоду давал себя знать кусок свинца, засевший под правым локтем, — напоминание о давней дуэли со вторым секретарем Свято Даниловского райкома из за золотоволосой лорелеи замзаворгсектором. Да и позже, уже в Первопрестольной, случалось всякое — хлебнула Полина Аполлоновна, тогда еще просто Полинькаа, и горя, слез, и сердечных обид.

Но годам к тридцати, когда другие сластолюбцы только только начинают втягиваться в Большой Разврат, свершилась с Курятниковым разительная перемена. Долг оказался сильнее чувственности.

Вдруг дошло до Гавриила Львовича, что человек, избравший дорогу правосудия, должен быть безупречен и чист — иначе нету него нравственного права охранять белоснежную тогу Закона.

И Курятников сумел одолеть злокозненного беса. Жизнь, до тех пор мутная и хмельная, сразу вошла в мирное, равнинное русло. Полянка ожила, помолодела, родила мужу одну за другой двух дочек, умниц и красавиц. И с карьерой пошло на лад: стал Гавриил Львович самым молодым в российской истории товарищем генерального прокурора, а после, в положенный срок, был сочтен достойным возглавить это почтенное ведомство.

И лишь одному Богу, а вернее дьяволу, известно, каких мук, какого неимоверного напряжения воли стоило Курятникову бесстрастно взирать на стройноногих секретарш в обтяжных мини юбках, на сдобных, пышногрудых депутатш из фракции «Дамы России», на министра богоугодных дел Амалию Францевну фон Беше или даже просто на улыбчивых дикторш с канала НТВ (особенно его превосходительству нравилась одна черненькая, С легкой косиной в милых глазках).

Достигнув пятидесяти, решил было Гавриил Львович, что всё, недолго осталось ему мучиться — скоро станет поспокойней, поутихнет неистовство гормонов. потеснится буйная плоть и даст дорогу покойной мудрости, благословенной награде зрелого возраста. Так ведь и вправду вроде как спокойней стало. Хотя бесстыдные, обжигающие сны мучили по прежнему. Ну да что сны — это, как известно, материя безответственная и силе воле неподвластная.

И вдруг, как гром среди ясного предзакатного неба — то самое. Проклятое, благословенное, вознесшее до райских кущ и обрушившее в адские бездны, Казалось, всё теперь отдал бы, чтобы не было той роковой ночи. А в то же время (сердце то не обманешь) твердо знал Курятников: не случись той ночи, и жизнь ему была бы не в жизнь.

Произошло же вот что: действительный тайный советник Курятников, генеральный прокурор, кавалер Ордена Подвязки и звезды «За заслуги перед Отечеством» 2 й степени, один из первейших сановников державы, влюбился сразу в двух женщин.

Даже и в юные, сумасшедшие годы такого с ним никогда не случилось, а тут на тебе.

Гавриил Львович расследовал дели огромной государственной важности. Знал, что ходит по лезвию бритвы. Всего можно было ожидать от злодеев: и публичной пощечины, и клеветы, и даже яду в любимом прокуроровом коктейле «Маргарита».

Однажды его превосходительство подъезжал к зданию прокуратуры в своем бронированном «даймлер бенце». Оторвал глаза от секретной распечатки и обмер. У ворот стояла стройная барышня в шляпе со страусовым пером и в вуалетке. Встретив взгляд государственного человека, откинула дымчатый газ с тонкого лица, шагнула вперед (лимузин как раз притормаживал), и у Гавриила Львовича стиснулось в груди от мерцания ее ярко зеленых глаз.

А в тот же день, вернее, уже вечером, когда Курятников со своим швейцарским коллегой был в «Геликон опере» на «Сказках Гофмана», он увидел давешнюю незнакомку в соседней ложе. Она обернулась, и генеральный прокурор ахнул: глаза у прелестницы оказались уже не зеленые, а синие пресиние. Гавриил Львович взял себя в руки, вспомнив о существовании цветных контактных линз, и всецело отдался волшебному неистовству Оффенбаха.

Погибель действительного тайного советника пришла назавтра, на рауте у английского посланника сэра Эндрю Вуда.

У мраморной лестницы, возле зеркала. Курятников увидел прекрасную незнакомку как бы раздвоившейся. Сначала решил, что это шутки венецианского зеркала, однако, приблизившись, понял, что девушек, действительно, две — у одной глаза были синие, как воды Красного моря в Эйлате, а у другой зеленые, как листья мяты. Гавриилу Львовичу вспомнилась картина Джона Эверетта Миллеса «Осенние листья», и, хотя Курятников знал, что любить прерафаэлитов — признак неважного вкуса (как раз об этом на последней встрече в Кремлеон разговаривал с премьер министром). но именно эта картина, на которой изображены две загадочные девушки с пленительными и тревожными глазами, еще с детства наполняла его душу неизъяснимым томлением.

Он сам подошел к сестрам близнецам, никто его на аркане не тянул. Завязался разговор. Одна назвалась Одиллией, другая Нормой. Ни фамилий, ни места службы своих новых знакомых Гавриил Львович не узнал — постеснялся спросить. Конечно, при его должности и почти неограниченных сыскных возможностях ничего не стоило бы выяснить такие пустяки, но слезка за дамами, да еще из личных видов, противоречила представлениям Курятникова о чести.

И начались наваждение. Гавриилу Львовичу снилась то зеленоглазая Одиллия. то синеокая Норма, а иногда — и это было всего сладостней — обе сразу.

Развязался узел неожиданна. Однажды, тому с полгода, секретарша принесла конверт. В нем — записка, пахнувшая духами «Кэнзо»

(младшая дочь генерального прокурора, студентка историко-филологического факультета РГГУ, пользовалась точно такими же). В записке ни единого слова — только адрес, вразлет начертанный алой губной помадой.

А слов было и не нужно. Гавриил Львович завернулся в плащ, надел широкополую шляпу и один, без свиты, дажк без телохранителей, что было чистейшим безумием, вышел на окутанную сизыми сумерками Большую Дмитровку. По дороге терзался догадкой: которая? То хотелось, чтобы это непременно оказалась Норма, а потом вдруг начинал шептать: «Одиллия, Одиллия, Одиллия».

Дверь открылась навстречу сама собой, когда палец в желтой лайковой перчатке еще только тянулся к звонку.

За распахнутыми створками чернел благоуханный мрак. «Иногда я жду тебя», — чарующе выпевал голос Алсу, любимой певицы действительного тайного советника.

Курятников шагнул вперед, и его обняли невидимые обнаженные руки — но не две, а четыре, и даже будто не четыре, а много больше. В объятьях этой тысячерукой, тысяченогой богини Гавриил Львович провел сладостнейшую ночь своей жизни.

Ну, а дальнейшее что ж — дальнейшее известно: гнусный шантаж, видеопленка, запросы в парламенте и тягчайшее, незаслуженнейшее оскорбление — высочайший рескрипт об отстранении от должности. Застрелиться — конечно же, таков был первый порыв: умереть, уснуть и знать, что с этим сном исчезнут все волненья сердца, тысячи страданий...

Пустить себе пулю и лоб — это было бы простительной слабостью, но о чем Гавриил Львович не думал ни минуты, так это о добровольной отставке. Пренебречь долгом, не довести до конца важнейшее расследование, от которого заисело будущее не только России, но и всего человечества! Нет, нужно было проявить твердость, нести свой крест до конца.

От опального генпрокурора отвернулись многие, очень многие. Но не все, потому что для российского чиновничества слово «честь», слава богу, — не пустой звук.

На запросы сенаторов и депутатов Гавриил Львович отвечать отказался, потому что благородный человек не рассказывает публично о своих женщинах, даже если они повели себя недостойно. А если уж сказать всю правду, до сегодняшнего утра в бедном сердце его превосходительства теплилась робкая, почти безумная надежда: а может быть, Одиллия и Норма тоже стали жертвами чудовищной

интриги? И тогда приходил на помощь священный принцип, имя которому Презумпция.

И вот сегодня новый удар. «Скандальные показания девиц легкого поведения»...

Как там, в финале «Короля Лира»: «Разбейся, сердце. Как ты не разбилось?»

Тихо ступая, Гавриил Львович миновал гостиную и остановился у входа в спальню жены.

Полинька, светлый ангел, еще спала.

www.feedbooks.com
Food for the mind